

Драко

ОГОНЬ

Ветер редко бушует в этих горах, а уж коли дует, так с севера. Влажный и скользкий, он гонит рыхлые комья тумана, будто призраки льдин вдоль иссохшей реки.

По утрам от скал, согретых дыханием недр, к низкому небу струится пар. Там, в глубинах опрокинутого океана туч, проносятся хищные зеленые молнии, тяжело ворочается тьма. Глыбы ее обжигающего смрада изредка рассыпаются под собственным весом, отравляя трепещущий воздух.

Я провел здесь всю жизнь, но так и не видел верхушки Тирит Истар. Даже в самые светлые дни облака надежно скрывают башню от глаз. Иногда я чувствовал несправедливость – казалось ужасным прожить столько лет у стен величайшей крепости мира, и даже не знать, как она выглядит. Но обида быстро проходила; всем даровано место под небом. Мое, так уж вышло, здесь.

Изредка, ночами, когда Столикий творил могущественные чары, вспышки озаряли покров из туч, наполняя мой дом изумительными цветами. В такие часы я любил забираться на плоский камень, торчавший над вечно пылающим рвом, и отдаваться буйству красок.

Прежде, я лишь раз видел Столикого. Несколько троллей прибывали к камням над воротами окровавленного старика в разодранной синей мантии, когда великий маг неожиданно появился из воздуха. Все, кроме меня, попадали ниц, но я был слишком далеко, разговора не слышал. Статная, полная скрытой мощи, фигура Столикого с развевающимися по ветру космами белых волос и длинным властным лицом запомнилась мне навсегда.

Старик провисел над воротами много дней, его сняли, лишь когда вороны перестали садиться на тело. С тех пор, разноцветные вспышки озаряли долину Истар чаще...

Не знаю, сколько прошло времени с последней такой ночи, зато отлично помню миг, изменивший мою жизнь. Все случилось под вечер; я лежал у подножья восточного наката, сытый и сонный, когда тучи озарились особо яростной вспышкой и с высоты, объятый пламенем, рухнул серебряный дракон.

Он был мертв прежде, чем тело коснулось камней, я понял это по безжизненно трепыхавшимся в падении крыльям. В давние годы, Столикого часто пытались уничтожить другие маги, но так близко к башне схваток еще не случалось. Удивленный и взволнованный, я поспешил к месту трагедии.

Столикий был там – он бросил на меня короткий взгляд и обернулся к догорающему телу дракона. Лишь теперь я осознал, почему крылатый падал спиной вперед, странно скрутившись, будто обвивающий жемчужину змей; он пытался своим телом предохранить от удара всадника.

Частично, ему это удалось – хрупкий, грациозный окровавленный эльф был еще жив. Золотоволосый, светлокожий, о чем он думал, атакуя самого могущественного мага на свете в воздушных белых одеждах с павлиньими перьями и ажурных, сейчас искореженных серебристых доспехах, мне было непросто вообразить.

Разбитый, со сломанной спиной и раздробленными ногами, эльф смотрел на Столикого, и в зеленых миндалевидных глазах умирающего я не заметил ненависти – только горечь.

– Вам удалось застать меня врасплох, – жестко произнес маг, скрестив за спиной руки. – Больше не удастся.

Губы эльфа тронула слабая улыбка:

– За нами придут другие... – прошептал он чуть слышно.

– Уже не придут, я позабочусь, – холодно отозвался колдун.

– Тьма... Не может править вечно... – прохрипел эльф. – Ты падешь, как пали...

Все до тебя...

Столикий едва заметно усмехнулся. Ветер трепал его седые волосы, развевал простую, безо всяких украшений темно-серую мантию. Властный и высокий, необычайно худой, на длинном недобром лице мага очень редко появлялись эмоции.

– Звезды сияют на небесах, – ответил он спокойно. – Кометы проносятся в слепящих огненных колесницах. Но замечают их лишь потому, что во Вселенной,

повсюду, без конца и края властвует тьма. Свет живет, пока его окружает мгла. В солнечном блеске свечу не разглядеть.

Задумавшись, Столикий протянул ладонь к эльфу и пошевелил пальцами. В тот же миг, все открытые раны несчастного перестали кровоточить и затянулись розовой кожей, алое месиво вместо ног срослось в некое подобие культий. Раненный страшно закричал, видимо лечение причиняло боль, но шевелиться в его разбитом теле могли только губы – выглядело это достаточно жутко.

– Ты не умрешь, – сообщил эльфу Столикий, глядя прямо в его искаженные мукой глаза. – Я сохраню тебя, искалеченного и бездвижного, дабы ты лично увидел мое падение. Эльфы бессмертны, – маг усмехнулся. – Шансы дождаться у тебя есть.

Зрачки раненного на мгновение расширились, но в них тут же мелькнуло облегчение. Колдун это заметил.

– Любопытно, – пробормотал он.

Опустившись на колено, Столикий дотронулся до запястья неподвижного эльфа, подержал пару мгновений, усмехнулся, уложил вторую ладонь на исковерканное драконье крыло.

– Изящно, – маг выпрямился. – Слияние душ.

В глазах эльфа впервые мелькнуло нечто, похожее на ненависть:

– Аэсса, моя верная Аэсса мертва, – выдохнул он с мукой. – На восходе Солнца, я встречу ее на Равнинах Вечного Сияния и даже ты, чудовище, не властен сие отвратить!

Волшебник улыбнулся краями губ.

– Солнце в этих краях редкий гость, – произнес ровно. И внезапно обернулся ко мне: – Гхаш! Подойди.

Должен признать, даже сильнее чем творящейся на моих глазах сценой, я был поражен, когда Столикий вспомнил мое имя.

– Готов служить, Повелитель, – сказал я учтиво, опускаясь перед ним на одно колено. Великий маг оглядел меня пытливым взором.

– На черных колдовство не действует, – пробормотал задумчиво. – Гхаш, твои когти способны пробить твою собственную чешую?

Я удивленно моргнул.

– Не знаю, повелитель. Ее ничто не может пробить.

– Попробуй, – приказал он холодно. – Мне нужна капля драконьей крови.

– Нет! – страшно закричал эльф. – Не смей!!!

Столикий бросил на раненного взгляд через плечо.

– НЕ СМЕТЬ? – переспросил. – Я до сих пор мыслю в вашем свинарнике только потому, что смею! Всегда! И во всем! – он рывком перевел глаза на меня: – Время идет, дракон.

Я с некоторой растерянностью поднял лапу и, что было сил, ударил себя когтем в запястье. Сверкнула искра, раздался металлический звон и коготь соскользнул. Щелкнув пастью, я приготовился повторить попытку на горле, но Столикий внезапно вскинул ладонь:

– Нет! Высунь язык и не шевелись.

Я подчинился, и даже не вздрогнул, ощутив укол. Разинутая пасть мешала видеть, что маг делает с эльфом, до меня доносились только мольбы о пощаде и – позже – крики. А затем, к моей полной неожиданности, я ощутил присутствие чуждого существа рядом с собой. Ощутил, будто мы были связаны невидимой цепочкой – я двигался и чувствовал его тяжесть.

– Повелитель, это... Не понимаю... – пробормотал я, начиная серьезно тревожиться. Столикий выпрямился, он был по локоть в крови.

– Все кончено, – брезгливо сказал маг. – Я перенес узы, которыми этот наглец привязал свою душу к драконице, на тебя.

– Меня?!

– Теперь он не подойдет с рассветом, – усмехнулся Столикий. Задумчиво оглядев меня от рогов до хвоста, он обратил лицо к бессознательному эльфу, свел брови на переносице. Подняв руку, нацелился худым пальцем на окровавленный рот раненного и, медленно, провел слева – направо. Я даже открыл пасть от изумления: губы эльфа срослись, разгладились и исчезли, будто их никогда не было.

– Запомни, Гхаш, отныне ты не просто сторожевой дракон, ты хранитель моего личного узника, – сурово произнес маг. – Отравлять воздух дерзкими речами он более не сможет, но я приказываю, чтобы это ничтожество ни в чем не нуждалось, не страдало и, самое главное, не дохло.

Я попятился и сел на хвост.

– Повелитель... Но коли мы с ним теперь связаны душами... Это значит, если он умрет, погибну и я?!

Столикий пожал плечами:

– Тем больше причин хорошо о нем заботиться.

Шокированный, я отпрянул, невольно зажмурился. С уст механически сорвалось:

– Да, Повелитель...

Но ответа уже не последовало. Открыв глаза, я не увидел мага – Столикий растворился в воздухе, вернувшись к более важным делам. Над местом трагедии воцарилась тишина.

Я довольно долго сидел на хвосте, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что странная невидимая цепочка, тянувшаяся от меня к раненному – теперь навсегда, и его жалкая, едва теплившаяся в разбитом теле искорка жизни, погаснет вместе с моей. Свыкнуться было очень трудно.

Эльф лежал без движения, его помертвелое безгубое лицо обрело нехороший сизый оттенок. Сообразив, чем это грозит мне, я рывкнул от неожиданности и, поспешно, опустился в траву рядом с раненым. Уложил лапу ему на грудь, попытался различить пульс.

Сердце не билось! Чувствуя, как вдоль спинного гребня разливается могильный холодок, я принялся лихорадочно вспоминать все, что когда-либо знал о медицине, и отыскал-таки спасительное решение в самых глухих уголках памяти.

Выпустив когти, я аккуратно проткнул кожу на груди эльфа двумя пальцами, а на вторую лапу дохнул самой слабой молнией, какую только умел вызывать. Тело раненного дернулось, прогнулось дугой. Из ноздрей с сильным хрипом вырвался воздух.

Я только сейчас сообразил, что и сам не дышал. Клацнул пастью, поднялся на ноги. Смертельный оттенок понемногу сползал с лица эльфа, сердечко билось хоть и неровно, но ощутимо. В сознание он пока не пришел.

Тем лучше... Шумно выдохнув, я поднялся с жухлой травы и просунул лапу под спину раненного. С величайшей осторожностью поднял, перевесил себе через спину,

из-за всех сил надеясь, что по пути до логова никакая опасность не заставит мой гребень шипов инстинктивно вздыбиться.

Можно было возвращаться, но прежде... Я неохотно обратил глаза к остывающему телу драконицы. Постоял рядом, пытаюсь заставить себя отвернуться – не сумел. Звезды и кровь, какое мне до нее дело?! Смерть есть смерть, а труп все без разницы...

Воображение ярко нарисовало, как этой ночью нажравшиеся драконьего мяса гоблины станут жечь костры и горланить похабные песни. Хмуро клацнув зубами, я отступил на пару шагов, крепче уперся задними лапами и, набрав полную грудь воздуха, окатил серебряную потоком спящего пламени.

Мое дыхание сжигает все, любой металл, любой драгоценный камень – ничто, кроме другого черного дракона, не выдержит и мгновения. Вот и сейчас, на месте трагедии осталась лишь оплавленная стеклянистая рана. В струящемся раскаленном воздухе мне на миг померещилось, как призрачная, колышущаяся тень драконицы поднялась над огнем и благодарно поклонилась в мою сторону. Я ответил кивком.

А затем, со вздохом, направился прочь. Эльф лежал неподвижно.

Впервые он очнулся лишь под утро, уже в логове, где я подыскал ему уголок, усадив меж камней, как тряпичную куклу. Эльф довольно долго следил глазами, как я долблю русло стока.

– Ммм ннн мм, – выдавил, наконец, пленник. Я бросил на него косой взгляд, но от работы отвлекаться не стал. Раненный вновь умолк на длительное время.

– Ммм мм мм? – промычал он, когда я почти довел русло до его ног и пересадил парализованного узника к другой стене.

– Долблю сток, – буркнул я хмуро. – Для нечистот. Вот отсюда, со скалы, пушу ручеек, и вода будет все выносить из логова по этому руслу.

– Ммм?! Уммнуоу?! – в изумлении пробубнил эльф. Я инстинктивно встопорщил гребень:

– Ты ведь не думаешь, будто дракон станет каждое утро за тобой подчищать?

Глаза пленника отразили бесконечный ужас. Я привстал на задние лапы и развел передние, демонстрируя логово:

– Привыкай. Жить тебе отныне здесь. Не королевские покои, конечно, к

которым ты привык... – я хмуро отвернулся к стене, – ...но и не хлев, который ты наверняка ожидал увидеть.

Он зажмурился, так напрягся, что вокруг ноздрей запузырилась кровь. Я вернулся к работе. Тишину долго никто не нарушал.

– Мое имя Гхаш, – буркнул я, когда молчание стало невыносимым. – Это значит «Огонь» на Темном Наречии. Ты?

Веки раненного дрогнули.

– Уоуоуимн Мнуоуа Ммнэуэуоуамн, – выдавил эльф. Я невольно усмехнулся:

– Красивое имя.

Он с болью сомкнул глаза, глубоко вдохнул. Я перебрал когтями по камням:

– Уоуоуимн, говоришь... Буду звать тебя Олорин.

Глаза эльфа широко раскрылись, в них мелькнуло изумление. Я нахмурился:

– Никак угадал?

– Мм–мм!

– Надо же... – я передернул хвостом. – Бывает.

Мы оба помолчали, глядя один на другого.

– В общем, так, – буркнул я после долгой паузы. – Тут, как видишь, я строю тебе уютный уголок, откуда даже виден кусочек долины. Тепло в этих краях не бывает, уж прости, но иногда выдаются светлые дни, а ночами, изредка, магия Столикого озаряет небосвод... – я мечтательно загнул кончик хвоста. – Это красиво.

Помолчал, тяжело вздохнул.

– Волею Повелителя наши судьбы теперь связаны, Олорин. Умрешь ты – умру и я. А я умирать не хочу, и поэтому тебе придется жить дальше.

Я отвел взгляд.

– Волшебник зашил твои губы, принимать пищу обычным образом ты не сможешь. Хотя, подозреваю, что и так бы не стал, – выражение глаз эльфа полностью подтвердило мою догадку. Я продолжал:

– Мне требуется, чтобы ты жил. Коли узник в подземельях Столикого решит голодать, упряма намертво приковывают к стене, а в вену втыкают жестяную воронку, куда по каплям стекает особый лекарский раствор из мяса, трав, овощей и кучи снадобий. Он разом и воду, и пищу заменяет. От тюремщика всего – то и требуется,

доливать раз в неделю бульон... Боюсь, Олорин, тебя придется кормить сходным образом.

Повисла тишина, потрясенный эльф забыл даже моргать. Я неохотно кивнул и поднялся с камней.

– Прости. Будь моя воля – я просто сожрал бы тебя и не мучал. Но противиться Столикому я не смею.

Молчание.

– Ммн... – еле слышно выдавил Олорин.

– Прекрасно, – я дернул хвостом. – С главным разобрались. Сейчас тебе придется побыть одному несколько часов, я должен навестить... Кое-кого. Вернусь вечером, захвачу с собой питательную машину. Ничего не бойся, – я горько усмехнулся. – Мое логово все местные за версту обходят.

Ответить он мог лишь взглядом, поэтому я поспешно отвернулся и вышел из пещеры. Постоял у входа, глотая прохладный утренний воздух. С неба струился пепельный свет, клубились привычные тучи, где-то за горами рождалась заря. Начинался новый день, и я внезапно осознал, впервые, что жизнь больше не станет прежней. Никогда.

Сглотнул, помотал головой. Всем даровано место под небом, дарован и срок... И судьба. Стиснув зубы, я пустился рысцой в направлении перевала.

Путь предстоял долгий, и хоть усталости черные драконы не чувствуют, иногда я завидовал крылатым сородичам – полет здорово облегчил бы мою работу. Правда, летать с такой броней, как моя, не сумел бы наверное даже Столикий: от шагов тряслась земля, со скал сыпалась камешки. Окажись я на месте той бедной драконицы, падение вскопало бы кратер ярдов сорока... Из которого я выползу хоть и потрепанным, но живым. Такие уж мы. Живучие.

За перевалом орочья тропа сворачивала на восток и мне пришлось покинуть наезженный тракт. Здесь было незачем заботиться о состоянии дороги, так что я набрал темп и понесся во всю прыть, разбивая прыжками огромные камни, черной молнией проносясь над ущельями. В такие – достаточно редкие – минуты, мне вспоминались рассказы о древних войнах, когда мои предки взмывали до облаков, разгоняясь по скалам, и когтили крылатых врагов прямо в их собственной стихии. Честно говоря,

верилось с трудом; это ж каким увальнем надо вылупиться, что б не суметь увернуться от несущейся издали многотонной черной туши? Я, вон, птиц ловить даже не пытаюсь...

Время близилось к полудню, когда многочасовой бег, наконец, завершился, и я спрыгнул на аккуратное скалистое плато перед пещерой. Принюхался.

– Урса! – позвал негромко. В ответ, из зияющей черной дыры послышался радостный визг и на шею мне бросился крохотный черный дракончик, размерами и статью напоминавший пантеру. Второй, неотличимый от первого, опоздал лишь на миг:

– Папка!

Я уселся на хвост, обнял детей лапами. Они восторженно открыли пасти, хвостики так и летали. Оба старались лизнуть меня в нос и шипели, сталкиваясь головами.

– Малыши, малыши, спокойнее! – взмолился я наконец. Драконята слегка притихли: – Где мама?

– У водопоя!

– Охотится!

– Пап, ты к нам надолго?!

– А что это за ошейник?

Я сильно вздрогнул. Последний вопрос задал третий дракончик – ярко-белый, словно мраморный, он робко сидел у моих ног и смотрел вверх. Близнецы недоуменно оглянулись на сестру:

– Что за ошейник?

– Нет у папы никакого ошейника!

Я нахмурился. Аша вылупилась последней, на шесть недель позже братьев, и с самого рождения вела себя странно.

– Малышка, ты... Видишь что-то необычное? – спросил негромко. Аша кивнула:

– Светится, на шее! – она потянулась вверх. Я обвил крошку хвостом, поднял к лицу. Аша удивленно моргнула:

– Тебе не видно?

Я помолчал. Белая чешуя встречалась в нашем роду очень редко, и всякий раз ее носитель оказывался выдающимся драконом – увы, не всегда в положительном смысле...

– У папы проблемы, – сказал я ласково, чтобы не пугать дочь. – Но все будет хорошо, обещаю. Мальчики, – я посадил близнецов на землю. – Нужна помощь.

Оба насторожились и вытянули хвосты в струнки. Я подмигнул:

– Гранк, мчись за мамой – пусть немедленно возвращается. А ты, Гронд...

– Это я Гранк! – возмущенно оборвал дракончик слева. – Снова нас путаешь!

– А мама не путает, – обиженно заметил второй.

Я тяжело вздохнул.

– Дети, мама проводит с вами дни и ночи, а я посещаю два– три раза в год...

– Почему ты ушел? – тихо спросила Аша. Я ласково погладил ее по спинке, опустил на землю рядом с братьями.

– Тут... Все сложно, малыши. Мама не хотела жить в Тирит Истар, я не мог бросить работу... Вы поймете, когда станете старше, – Я сурово приподнял гребень. – А сейчас, выслушайте наконец. Гранк, срочно приведи маму домой, а ты, Гронд – беги в логово и начинай собирать вещи. Вы все переселяетесь в мою пещеру.

Дети оцепенели от неожиданности, у Гранка даже пасть приоткрылась. Белая Аша недоверчиво попятилась.

– Па–ап? – протянула она напряженно. – Ты ведь не шутишь?

Я покачал головой:

– Какие тут шутки... – я невольно потер на шее то место, где дочь разглядела фантомный «ошейник». – Объясню, когда придет мама.

Гранк отрывисто кивнул и, могучим прыжком, рванулся ввысь на много ярдов. Врожденная сила черных драконов, помноженная на крохотную массу птенца, превращала наших детей в самых быстрых существ под небом – драконята запросто догоняли пущенные из аркбаллисты стрелы, ловили их на лету и, довольно виляя хвостами, приносили в зубах обратно.

Гронд побежал в пещеру, а я улегся на скалы перед входом и жестом пригласил Ашу сесть рядом. Малышка нервно обернула хвостом лапки.

– Расскажи про ошейник, – попросил я. Драконочка неуверенно кивнула:

– Ну–у... Он... Похож на медузу.

– Медузу?!

– Угу, – Аша робко улыбнулась. – Пухлый и колышется.

Я представил, как это должно выглядеть, и чуть не рявкнул. Перебрал по скале когтями:

– Милая, сейчас я задам очень важный вопрос, а ты должна ответить честно, обещаешь?

Драконочка нервно переступила с лапки на лапку.

– Угу...

Я вдохнул:

– Ты пробовала заниматься магией?

Аша вскинула глазки, моргнула. Но ответила не сразу.

– М– м– м... Немного, – призналась обреченно. Я подался вперед:

– У тебя получалось?

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Угу, – она отвела взгляд. – Честно. Проверить не вышло.

Видя, что я молчу, Аша с крайней неохотой добавила:

– Это правда, отец. Я хотела заколдовать рыбу, чтобы та не задохнулась на воздухе, и вроде бы сумела, но тут налетели братья и я рыбу упустила.

– Где ты нашла заклинание?

Она моргнула:

– Нигде! Сама придумала.

– Как?

Аша растеряно свернула хвост улиткой:

– Ну–у... Это не объяснить, пап. Просто... Чувствуешь, и все, – она подняла лапку, расправила когти. – Я держала рыбу и видела, ПОЧЕМУ ей не хватает воздуха – как высыхают жабры, замедляется кровь. И... Ну... Решила помочь... – совсем смутившись, малышка умолкла. Я глубоко задумался.

Драконы–маги вылуплялись крайне редко, и никогда среди черных – считалось, наш полный иммунитет к любой магии одновременно лишает нас колдовских

способностей. Из драконьих родов, волшебством чаще других овладевали золотые, реже – серебряные, и лишь пару раз красные. Если Аша действительно обладает даром, она станет первой в нашем роду колдуньей! А также, очевидно, единственной на свете волшебницей, против которой нельзя будет использовать никакую магию.

Я вздрогнул. Опасная, очень опасная комбинация, узнав о которой, мою девочку возжелают заполучить все уцелевшие маги нашего мира. А Столикому, конечно, не слишком понравится растущая рядом с его собственным замком будущая соперница, неуязвимая вдобавок для любых его чар. Все вместе, это предрекало Аше тяжкую жизнь и много горя.

– Ты рассказывала матери о своих опытах? – спросил я тихо. Драконочка понурилась.

– Угу. Она сказала, чтобы я никогда, никому, даже тебе ничего не говорила, иначе злой колдун, который... – она запнулась, – ...который... Тебя поработил, отыщет меня и убьет.

Я с трудом улыбнулся. Неистовая, прямая как меч Урса.

– Мама не должна была тебя пугать, но, если честно, она права, – я ласково погладил дочь по спине. – Ты никому не должна показывать, что владеешь магией. Но это не значит... – я подмигнул, – ...что с опытами покончено.

Аша вскинула глаза, недоверчиво наострила ушки:

– Па-ап?

Я лизнул ее в нос.

– Дома мы начнем тренироваться, малышка. Я раздобуду для тебя волшебные книги эльфов и людей, а мама научит читать. Ты вырастешь величайшей колдуньей на свете!

Позади сильно дрогнула земля и чей-то гибкий, мускулистый хвост обвил мое горло:

– Вот уж вряд ли... – прошипел знакомый родной голос.

С трудом преодолевая давление, я встал на все четыре лапы и обернулся, прокрутив шею в петле из хвоста. Передо мной, агрессивно встопорщив шипы, стояла черно-серая красавица, один только взгляд на которую моментально заставлял мою кровь вскипать, как и много лет назад, при первом знакомстве.

– Куда– куда мы переселяемся? – грозно спросила Урса, не выпуская мое горло.

Я вздохнул.

– Надо поговорить, родная.

Она встопорщила гребень еще выше, но петлю, все же, убрала. Я коснулся груди:

– Прости. Моя жизнь в смертельной опасности, и нет никого, кому я мог бы довериться. Кроме семьи.

– Ты бросил свою семью! – гневно отозвалась драконица.

Я шагнул вперед и ласково тронул ее лапу.

– Урса, любимая, я никогда вас не оставлял. Просто так вышло, что мы живем раздельно. Но сейчас мне нужна помощь, и лишь от тебя зависит, останусь ли я жив.

Она с шипением отдернула лапу, однако гребень слегка поулегся, в глазах мелькнула тревога. Дети, все трое, сидели рядышком у входа в пещеру и лихорадочно переводили взгляды с матери на меня и обратно.

– Ну, и куда ты опять влез? – спросила, наконец, драконша, отступив на шаг. Я коротко рассказал о вчерашних событиях.

– ...и вот, он стоит здесь, могучий и непобедимый черный дракон, отец твоих детей, которого отныне может убить даже гоблин – достаточно пнуть неподвижного эльфа в пещере, – закончил я тяжело. – Урса, я никому не могу доверить такое дело, кроме тебя. Этот жалкий калека, отныне – мое сердце, вырванное из груди и брошенное собакам.

Шагнув вперед, я взял изрядно притихшую дракону за лапу и заглянул ей в лицо.

– Родная, со мной случилось страшное несчастье, – сказал совсем тихо. – Мне нужна помощь. Верная, любящая душа рядом. Иначе меня просто не станет.

Она судорожно перевела дух, зажмурилась. Молчала целую вечность, шумно втягивая воздух ноздрями, подергивая кончиком хвоста. Наконец, увитые шипами веки поднялись, открыв сверкающие янтарные глаза, и я испытал огромное облегчение; она была согласна, это читалось во взгляде.

– Ты никогда не блистал сообразительностью, – прошипела Урса, хлеща себя хвостом. – Оставил эльфа одного в логове на весь день! Почему не захватил с собой?!

А если его уже кто-то заметил?! – она щелкнула челюстями. – Гранк, Гронд, Аша! Мчитесь в отцовское логово и охраняйте узника, пока мы не подоспеем. Вперед!

Дети, чуть не подпрыгнув от неожиданности, издали восторженные вопли и мгновенно растворились вдали. С такой скоростью, путь, что отнял у меня полдня, драконята одолеют за час... Урса провожала их взглядом, пока все трое не скрылись из вида, а затем, внезапно, отвесила мне такой удар хвостом в развороте, что меня отшвырнуло к скале, и скала обрушилась.

Выкарабкавшись из-под камней, я встретил пылающие яростью глаза драконицы. Она тяжело дышала, бока лихорадочно вздымались и опадали, когти скребли землю.

– Урса?.. – я даже попятился. Она свирепо щелкнула пастью:

– Не хотела при детях, – выдохнула, дрожа от ярости. – Ты хоть сознаешь, что это «несчастье» на тебя навлек твой возлюбленный Повелитель?! До каких пор ты намерен перед ним пресмыкаться?!

Я опустил голову.

– Любимая, мы ведь все обсуждали...

– Да! И ты предпочел родной семье – мерзавца, для которого жизнь дракона значит не больше, чем грязь под ногами!

Я глубоко вдохнул.

– Урса. Ты живешь в этой пещере с тремя детьми, регулярно ходишь на охоту, бегаешь по своим делам – даже не представляя, как однажды вернешься домой и найдешь три утыканных стрелами тельца без чешуи и сердец.

Она широко раскрыла глаза, отпрянула:

– Не смей...

– Так было, родная, – сказал я глухо. – Не забывай. Нас уничтожали, по всему миру, пока Столикий не положил этому конец. Маги охотились за нашими детьми, драконов замуровывали в подземельях, чтобы годами сцеживать кровь и вырезать из тел органы. Мы были добычей, а не расой.

Я шагнул вперед и нежно тронул подругу за лапу:

– Ты убедила и себя, и малышей, будто Столикий поработил мою волю и заставил себе служить. Но черные драконы неподвластны магии, родная – мы

подвластны благодарности.

Наши глаза встретились.

– Да, я работаю сторожевым псом у стен крепости, но это действительно мой выбор, Урса, – шепнул я, ласково коснувшись носом ее носа. – Служба магу, спасшему от истребления драконий род.

Она зажмурилась, обмякла.

– Мне тебя не хватало... – прошептала горько.

Я вздрогнул. Мы долго стояли, прижавшись, наслаждаясь родным теплом, и я думал – да, жизнь больше никогда не станет прежней.

Слегка успокоившись, принялись за сборы и, спустя пару часов, направились к моему логову. Я чувствовал, как любовь заполняет в душе огромную пустоту – о самом существовании которой я, кажется, и не подозревал. Было трудно вообразить, что еще вчера я жил одиночкой, лишь два–три раза в год навещая детей, пока их мать гневно шипела вдали, отказываясь со мной разговаривать. Быть может, я зря считал происшествие с эльфом таким уж несчастьем?..

Обратный путь прошел без приключений, и к вечеру, под проливным дождем, мы с Урсой впервые за долгие годы вошли в общее логово. Дети были уже здесь, они успели соорудить эльфу подстилку из соломы и укутали его теплыми шкурами горных козлов. Драконица, гневно фыркая, обнюхала раненного.

– Да–а... – прошипела она язвительно. – Не думала, Гхаш, что твое «сердце» так воняет.

Я с виноватой улыбкой развел лапами. Урса решительно дернула хвостом:

– Ладно, отправляйся за своей машинкой–кормилкой, а мы с малышами пока наведем тут порядок. Более грязного и замызанного логова я сто лет не видала!

– Грязного? – переспросил я, недоверчиво озираясь. – Где тут грязь?!

– Уж поверь, – буркнула дракона. – Ох, глаза б мои всего этого не видели... – она принялась затаскивать в пещеру сундуки с вещами. Я благоразумно ретировался.

Снаружи стояла ночь, лил дождь. Брызги от моих тяжелых шагов взлетали на несколько ярдов. Аппарат для кормления и бочку с питательным бульоном тюремщики–орки выдали почти без сопротивления, хватило упоминания приказа Столикого и парочки разлетевшихся вдребезги об мою чешую топоров. А на пути

домой, я впервые за много лет чувствовал, что действительно возвращаюсь домой, а не просто иду спать в пещеру.

Отверстие логова гостеприимно светилось теплым желтоватым огнем. Пока меня не было, Урса и дети успели преобразить мое скромное обиталище до неузнаваемости. Под сводом развесили красивые резные лампы, вымели из темных углов паутину, разогнали живших в глубине пещеры гигантских пауков. На месте, где я обычно спал, свернувшись в клубок, появилась аккуратная шерстяная подстилка... И вторая такая же, рядом. У меня чуть лапы не подкосились.

– Добро пожаловать! – торжественно заявил Гранк (или Гронд), вынырнув будто из-под земли. Рядом, столь же молниеносно, возник его брат. – Пап, не входи пока, еще не все готово!

Я с грохотом опустил жестяную кормилку на камни.

– Скажите матери, пусть сначала займется эльфом. Бедняга ничего не ел со вчерашнего дня.

– Ясно! – Гронд (или Гранк) нырнул в пещеру. Оставшийся дракончик с интересом обнюхал кормилку:

– Пахнет вкусно...

– Даже не вздумай! – я отпрянул. – Там куча снадобий, одним звездам ведомо как они на драконов действуют!

Он с сожалением отошел. Я потрепал сына по голове:

– Не горюй, сейчас разберемся, наконец, с эльфом, а затем устроим торжественный обед в честь воссоединения семьи! Целого быка зажарим.

– Быка? – Гранк (или Гронд) недоверчиво облизнулся. – Тебе разрешают охотиться на скот?!

– А маме нельзя... – вставил его незаметно вернувшийся брат.

Я усмехнулся.

– Детишки, ваш отец не дикий зверь, а патрульный офицер на службе Властелина этого мира! Меня кормят, боятся и уважают.

– А мама говорила, ты сторожевой песик... – лукаво протянул один из драконят. Я гневно фыркнул и схватил его за хвост:

– Ах, вот как? – ситуация становилась катастрофической, я не мог различать

собственных сыновей. Надо было выкручиваться... Идея! Грозно скаля клыки, я высоко поднял дракончика за хвост:

– Наказание неизбежно! – прошипел и сунул его в ближайший куст. Малыш, фыркая и рыча, поспешно выбрался на свободу, но цели я достиг – теперь он, вымазанный растительным соком, пах совершенно отлично от брата.

– Па-ап! – возмущенно завопил дракончик. – Так нельзя!

– А оскорблять отца можно? – спросил я сурово. Малыш, запнувшись, смущенно отвел глаза и сел на хвостик. Его брат весело оскалил клыки:

– Привыкай, Грондик, это тебе не мама... – заметил он злорадно. Я мысленно перевел дух – все, больше не спутаю.

– Гранк, ты передал матери про эльфа? – спросил строго.

– А я не Гранк, – дракончик весело склонил голову на бок. – Я Гронд. Мы с братом поняли, что ты нас снова перепутал.

– И решили пошутить... – с досадой пробормотал Гранк, вылизывая испачканную соком лапку. – Кто ж знал, что ты... Так.

Теперь на хвост сел я, и несколько мгновений растеряно моргал. Наконец, справившись с собой, развел лапами и беспомощно рассмеялся.

– Знаете, ребята... – вздохнул. – Мне к вам привыкать придется ничуть не меньше, чем вам ко мне.

– Ага, – азартно кивнул Гранк (который после куста пах иначе и уже не мог притворяться братом). – Пап, ты только не обижайся, ладно? Мы совсем дикие, мама так всегда говорит.

– И она тебя любит, на самом деле! – поспешил Гронд. – Хоть и ругает часто, но мы же видим.

– А ночами иногда плачет, – уже не слишком весело добавил Гранк.

Я зажмурился. В сердце кольнуло, по жилам рванулся огонь. Захотелось бежать, мчаться, лететь к Урсе, стиснуть в объятиях и ее, и детей... Порыв был так силен, что у меня сбилось дыхание.

Драконята, кажется, что-то заметили, они почти одновременно шагнули вперед. Я подхватил их лапами, прижал к груди. Любые слова были излишни.

– Ладно, малыши, – выдал я, когда слегка пришел в себя. – Больше нас никто

не разлучит, обещаю. Но давайте, все же, вспомним об эльфе, иначе я могу обещание – то не сдержать...

Они вздрогнули и разом, синхронно кивнули. Гронд лизнул меня в нос:

– Я сказал маме, они с Ашей как раз готовят местечко для узника. То, что выбрал ты, не годится, оттуда ветер будет все запахи гнать в логово.

– Скоро закончат, и начнем устанавливать кормилку, – добавил Гранк.

Остаток ночи прошел в суете и заботах, присущих всякому переезду. То Урсе не нравилось, где стоит чучело рыцаря, то свет лампы неудачно озарял угол... Лишь под утро, наконец, все было готово, и сонные драконята отправились по своим уютным гротам. Мы с подругой впервые за ночь остались наедине.

Наедине, если не считать эльфа, конечно. Урса упаковала его так, что снаружи было даже не совсем ясно, какое именно существо сидит у стены. Раненному ввели в вену жестяную воронку, укутали шкурами, провели скрытый подземный сток с сильным течением. Рядом, моя дракона установила кадку с неким растением, которое, по ее словам, было чувствительно к температуре и быстро увядало, если становилось слишком холодно или жарко.

– Его придется купать хотя бы раз в две недели, и менять позу каждый день, – сообщила Урса, когда мы, наконец, разлеглись на своих шерстяных ложах и готовились ко сну. – Я этим займусь, но коли меня в логове не будет, придется тебе.

– Всенепременно, любимая, – я лизнул ее в нос. Дракона вздохнула.

– Устроил ты нам нынче сюрприз...

– Это был самый счастливый день в моей жизни за много, много лет, – ответил я тихо. Урса ворчливо пихнула меня носом.

– И как ты намерен его завершить? – она прищурила один глаз. – Уж эльфа – то, надеюсь, ты не стесняешься?

Отвечать ей словами я не стал.

Проснулись мы поздно, за полдень, но как ни странно – все же раньше, чем дети. Конечно, черные драконы не устают (даже после целой ночи с Урсой), однако вчерашний водопад впечатлений, вероятно, измотал малышей.

Мне предстояло идти в обход крепости, поэтому, лизнув изрядно подобревшую дракону в нос, я с легким сердцем оставил логово на ее попечение, а сам отправился

работать.

Прежде, рутинное патрулирование долины казалось мне скучным, однако важным занятием, и я безропотно исполнял свой долг в любую погоду, месяц за месяцем. Но прежде меня никто не ждал дома. К вечеру, я был как на иголках и не мог дожидаться захода солнца. Если так пойдет и дальше... Работа станет кошмаром...

Наконец, вечно скрытое тучами небо достаточно потемнело, чтобы совесть сочла мой патруль завершенным, и я чуть ли не галопом помчался в логово. Там, все так же гостеприимно, светились огни, но теперь к ним добавился завораживающий аромат жаркого.

Ужин удался на славу. Мы всей семьей пели песни, играли в дракона– и–единорога, швырялись набитыми пухом шкурами и грызли кости на скорость. Ни разу в моей жизни, даже в тот недолгий период, пока мы с Урсой еще жили вместе, я не испытывал такого счастья.

А затем потянулись недели, одна лучше другой. Ночами мы с Урсой любили друг друга так, что я даже стал сомневаться в способностях черных драконов не уставать, дни на работе пролетали незаметно. Я исправно патрулировал долину, но мыслями был далеко... Иногда, замечтавшись, даже врзался в скалы.

Об эльфе старался не вспоминать – тот изредка что–то мычал из своего угла, к нему тут же подбегала Аша. Белая драконочка негласно стала главной хранительницей узника, она проводила с ним много времени.

Казалось, счастьем не будет конца, и я действительно был готов этому верить. Но, к сожалению, если сравнивать счастье и ртуть, ртуть окажется более стабильной. Первые признаки грядущей бури я стал замечать через несколько месяцев после Воссоединения, как мы все четверо решили называть ночь переезда.

А началось относительно невинно. Я лежал на согретых собственным дыханием камнях у входа в пещеру, когда заметил ярдах в ста, среди жухлой травы, своих драконят.

Гранк и Гронд сидели на хвостиках и с необычайно серьезным видом слушали сестру. Аша о чем– то рассказывала, захлебываясь словами, рисовала лапами в воздухе непонятные фигуры. Я прислушался, но ничего уловить не смог.

И лишь много позже, когда я и думать забыл о странной сценке, смущенный

Гранк задал мне вопрос, который взорвал наше немудреное счастье:

– Пап... – задумчиво спросил дракончик. – А ты видел Солнце?

У меня чуть не отвисла челюсть. Моргнув от изумления, я сел и уставился на сына.

– Солнце? – переспросил. – Малыш, откуда ты знаешь о Солнце?

– Аша говорила, – тихо отозвался Гранк. – Пап, она... Она видит сны, а потом нам рассказывает. Как сказки, только это не сказки... Я беспокоюсь за нее, пап.

Меня кольнула тревога, но в тот день я еще не придавал интуиции особого значения.

– Твоя сестра очень необычная драконочка, – мягко сказал сыну. – Она владеет магией. Скоро мама научит ее читать, и Аша станет рассказывать вам новые истории – про Солнце, великих магов прошлого, о падении Луны...

Гранк упрямо дернул хвостом.

– Пап, ты не понимаешь, – сказал совсем тихо. – Она тоскует. По Солнцу. Только боится сказать.

Отвернувшись, он хмуро направился прочь, пиная лапами камешки. Если бы, о, если бы я в тот миг не поленился расстаться с теплым ложем...

В последующие дни я продолжал замечать, как Аша о чем-то увлеченно рассказывает близнецам. Но Гранк и Гронд больше ко мне не обращались, так что я – надутый черный индюк – счел инцидент исчерпанным. Мне и в голову не приходило, что надо тревожиться...

...Пока вопрос не подняла Урса. Как-то вечером, она со свойственной ей прямоотой уселась мне на хвост и скрестила на груди лапы.

– С Ашей что-то происходит, – заявила твердо.

Я тяжело вздохнул.

– Знаю. Она видит сны и рассказывает их близнецам.

– Это не просто сны, – жестко возразила дракона. – Я слышала одну из сказок.

Гхаш, ты давал девочке книги по истории?

Я моргнул.

– А ты уже обучила ее читать?!

– Она сама научилась, – нехотя буркнула Урса. – Сидела над табличками с

когтеписью, пока не прочла их вслух.

Я развел лапами.

– Поразительно... Но я не давал ей книг, любимая. В логове вообще нет книг. Из всех нас только ты, а теперь и Аша, обучены грамоте.

Урса напряженно подергивала хвостом.

– Гхаш, она рассказывала близнецам о Девятой Башне. Я никогда не читала ей эту легенду. Аша просто не может ее знать.

У меня по спине пробежал холодок.

– Девочка способна к магии... – протянул неуверенно.

– И что? Наколдовала себе учебник истории?

Я посмотрел на хвост.

– Гхм, да, звучит как– то... Не очень.

Урса щелкнула челюстями:

– Надо поговорить с ней. Нам обоим.

– Нет– нет! – я поспешно схватил ее за лапу. – Ни в коем случае, родная. Аша очень робкая и скромная драконочка, если надавить – она станет скрытной, и мы потеряем шанс выяснить, что происходит.

Урса глухо заворчала, но, неохотно, кивнула:

– Да, ты прав. Надо расспросить близнецов.

– А еще лучше, аккуратно следить, – намекнул я. – Слушать ее сказки, но ни в коем случае не подавать вида, будто нам интересно.

Черно– серая дракона помедлила.

– Ладно, – буркнула мрачно. – Попробуем. Но мне все это не нравится, Гхаш. Скотски не нравится.

– Мне тоже... – вздохнул я.

С разговора прошло два дня, Аша вела себя тихо и незаметно. Меня так и подмывало задать ей вопрос, но к несчастью, я удержался.

А потом грянул гром.

То утро началось, как обычно – мы с Урсой проснулись, позавтракали, выкупались под водопадом. Близнецы пробудились первыми и уже сновали вокруг логова, неугомонные, как и все дети, но вдобавок неспособные уставать. Я как раз

собирался идти на работу, когда невинный вопрос Гронда заставил мое сердце сжаться от тревоги:

– Пап, а ты Ашу не видел?

Меня словно окатили водой с ледника.

– Она с вами не завтракала? – спросил напряженно. Драконенок помотал головой:

– Да нет, мы ее с вечера не видали. Как потащила своего эльфа купаться, так и...

Я содрогнулся. СВОЕГО ЭЛЬФА!!! Перед глазами будто вспыхнула звезда, все мгновенно прояснилось. Аша, доченька, что ж ты натворила!

– Проверь, узник на месте?! – я вскочил, хлеща себя хвостом. Дракончик запнулся, растеряно попятился, но быстро пришел в себя и, отрывисто кивнув, бросился к логову. Я бежал следом. В памяти, огненными всполохами горели слова – «Я держала рыбу и видела, почему ей не хватает воздуха», «Я хотела помочь и, кажется, сумела...»

– Пап, эльф исчез! – Гронд выскочил из пещеры даже прежде, чем я до нее добежал. Следом за драконенком из логова выбежал растерянный Гранк, следом спешила Урса.

– Что происходит?!

Я скрипнул зубами.

– В погоню, срочно, – у меня дергался хвост. – Гранк, Гронд – обнюхайте подстилку эльфа и берите след! Вы бегайте быстрее нас, найдите Ашу!

– Аша исчезла?! – вскрикнула Урса. Драконят уже и след простыл, мы с подругой остались наедине. Я в двух словах рассказал о своих подозрениях.

Судя по выражению лица драконы, она все поняла столь же быстро, как и я. Скрипнув зубами от гнева, Урса свирепо огляделась:

– Куда он ее потащит?

– Она – его...

– Без разницы!!! В горы или к реке?

Я сглотнул.

– Наверно, к реке... А может, и в горы... Ему не сбежать из долины без крыльев, он же не совсем идиот!

– Надо раздели... – Урса запнулась, поскольку с утеса на огромной скорости спрыгнул Гранк.

– Взяли след! – крикнул он. – За мной!

И мы помчались! В такой дикой гонке я прежде не участвовал. Мы с Урсой неслись вперед, будто стенобитные орудия, проламывая скалы рогами, сбивая вековые деревья. Далеко впереди, порхал будто бабочка легкий дракончик. И след уводил в горы.

Казалось невозможным, что Аша и ее спутник сумели так далеко убежать всего за ночь. Мы удалились от Тирит Истар не менее чем на полсотни миль, прежде чем вдали, на снежном склоне, показались силуэты беглецов. Перед ними, прыгая из стороны в сторону и мешая идти, метался крохотный черный дракон.

– Как она его подлатала, ты погляди... – выдохнула изумленная Урса. Я тоже был потрясен. При виде нас, хромавший но вполне подвижный эльф бессильно упал на колени.

– Аша! – рявкнул я так, что эхо отдалось по ущельям. – Остановись!

Белая драконочка в отчаянии оглянулась:

– Отец, не надо! – она закрыла собой эльфа. Мы с Урсой, пораженные, застыли напротив, Гранк и Гронд перекрыли беглецам пути отхода.

– Аша, доченька... – в ужасе спросила Урса. – Что ты творишь?

– Веду его домой! – с отчаянной храбростью отозвалась драконочка. – И останусь с ним! Я хочу увидеть Солнце, и звезды, и белые облака, и рощи зеленых елок, и дворцы из блестящего мрамора, и светлячков! Я хочу света!

У меня чуть сердце не остановилось. Урса от боли до крови стиснула зубы.

– Малышка, милая... – она опустилась в снег на колени. – Эльф солгал. Там, за горами, он первый тебя убьет, глупышка...

– Не убьет! – Аша гневно топнула лапкой. – Я теперь его драконесса! Я перенесла связь душ с папы на себя!

– Что?! – я отпрыгнул. Недоверчиво прислушался к ощущениям. За последние месяцы, «тяжесть» призрачной цепи стала настолько привычной, то я начисто перестал ее замечать. А сейчас – уже и не сумел...

И тут, со мной произошло нечто странное. Когда Столикий сцепил меня с

эльфом, поставив на грань гибели, мне было тревожно, однако ужаса или ненависти я не испытывал ни единого мига. Но стоило осознать, что сейчас такая же опасность грозит МОЕЙ ДОЧЕРИ...

От бешенства снег в глазах покраснел. Из ноздрей потянулись струйки дыма, когти с таким скрежетом вцепились в камни подо льдом, что оглянулась даже Урса. Мгновенно оценив мое состояние, она с криком метнулась вперед и оттолкнула Ашу с линии огня, драконята бросились врассыпную.

К счастью, огромному, необъяснимому счастью, некая высшая сила успела за миг до катастрофы слегка прояснить мой разум, и вместо эльфа, я выдохнул поток пламени в сторону, пробуравив на склоне стоярдовый каплевидный желоб. Жар мгновенно испарил тонны снега, вокруг нас взвихрилось густое облако горячего тумана. Сквозь пар, будто огненный демон, я шагнул вперед и навис над беглецом.

– Ты... – прорычал с такой ненавистью, что ее одной, наверно, хватило бы для поджога целой эскадры эльфийских парусников. – ТЫ!!!

– Не трогай его! – Аша вырвалась из материнских когтей и прыгнула вперед, заслоняя собой коленапреклоненного узника. – Отец, умоляю... Умоляю! Выслушай!

У меня кружилась голова. Одна только мысль, что детям, МОИМ детям грозит опасность, вызвала в душе такую бурю, что бороться с ней было почти невозможно. Хрипло глотая воздух, щелкая пастью, я невероятным усилием воли пытался хоть чуть-чуть успокоиться – и вновь, помогла неизвестная добрая сила. Красная пелена, неохотно, спала с глаз.

– Как ты могла... – прохрипел я, дрожа. – Как ты могла!

– Олорин открыл мне глаза, – жестко сказала Аша. – Показал мир, которого мы не знаем – ни я, ни мама, ни братья. Даже ты. Мир более светлый, более чистый. Прекрасный.

Она в ярости щелкнула тоненьким хвостиком.

– Я не хочу провести жизнь на клочке скалы между пещерой и водоемом. Не хочу видеть тучи и мокрые склизкие камни! Я летать хочу! – прорычала драконочка, задыхаясь от волнения. – Да, у меня нет крыльев, но летать можно и без них!

Она смело шагнула вперед и схватила меня за лапу.

– Отец... Прежнюю подругу Олорина звали Аэссой, и она сама, добровольно

разделила с ним душу. Потому что верила. Верила в лучшее будущее, в мир, где правит свет!

– Свет? – глухо переспросила Урса. От ярости, у нее раздувались ноздри, но в берсерка, подобного мне, она пока не превращалась. – Аша, я ведь никогда не рассказывала вам об истинных причинах, почему отец служит Столикому. Я вас жалела, несмышленьшей.

Дракона хлестнула себя хвостом.

– Теперь я вижу, это было страшной ошибкой, – Урса бросила на эльфа ледяной взгляд. – Как он открыл тебе мир за горами? Рассказывал сказки?

Аша с дрожью кивнула.

– Тогда позволь и мне, твоей матери, кое-что рассказать, – в бешенстве процедила драконесса. Я улегся на снег и закрыл голову лапами, чтобы не слышать, но голос моей подруги был яростен.

Она рассказывала, и глазки драконят раскрывались все шире, а эльф сгибался все ниже. Аша, не в силах верить, медленно пятилась, качая головой, но беспощадные слова впивались в стены ее розового замка, как снаряды из катапульты.

Я не выдержал, лишь когда рассказ приблизился к кульминации:

– Хватит! – я резко встал и щелкнул пастью. – Хватит, родная. Дальнейшего им слышать не надо.

Урса метнула в мою сторону яростный взгляд, ее ноздри раздувались, хвост судорожно хлестал.

– Не надо слышать? – переспросила она.

– Пожалуйста...

Драконница запнулась, с огромным трудом пришла в себя. Изумленная, раздавленная Аша смотрела на нас с ужасом.

– Я не верю... – пролепетала она с дрожью. – Вы... Вы все придумали, чтобы меня вернуть... Так не могло быть! Так не бывает!

Столь же растерянные и испуганные, близнецы прижались к моим ногам. Подняв головы, они пытались поймать мой взгляд, но я не смел встречаться глазами с детьми. Урсе тоже было плохо, хотя держалась она молодцом, куда тверже меня.

– Аша, мы твои родители, – сказал я горько. – Неужели ты думаешь, мы отказали

бы дочери в шансе узнать нечто лучшее? Если где-то, – я рывком указал на снежные пики, – за горами, действительно таится «дивный новый мир», уж поверь, девочка – мы растили бы вас ТАМ!

Она в отчаянии оглянулась на эльфа.

– Но я бы почувствовала ложь... Он не мог лгать, не мог, только не Олорин! – голосок моей малышки так дрожал, что если б не связь душ, я раздавил бы гада прямо сейчас.

– Я не лгал, – тихо отозвался пленник. Урса криво ухмыльнулась.

– Верно, не лгал. Просто забыл уточнить: все эти блестящие мраморные дворцы, зеленые рощи, светлячки да Солнце... – она скрипнула зубами, – ...разрушены столетия назад в бесконечных войнах между магами!

Аша вскрикнула:

– Нет!

– Это правда, милая, – выдавил я. – Во всем мире осталась лишь одна пригодная для обитания долина, и мы в ней живем.

Потрясенные драконята отпрянули, у Аши чуть не подкосились лапки. Урса горько расхохоталась:

– Да, дети мои, слушайте отца. Он долго решался это сказать.

Я с болью посмотрел на дочь.

– Магические вспышки, что иногда озаряют нам ночь, не битвы, – сказал негромко. – Столикий не добивает наш израненный мир, а пытается излечить. С каждой такой вспышкой, границы обитаемой зоны чуть- чуть расширяются.

Я понурил голову.

– Наш мир был почти уничтожен, когда явился Столикий. Все южное полушарие выжжено, какой- то безумный маг сбросил туда Луну. На севере отравлена сама земля, там ничего не растет, звери гибнут от яда. Лишь кое- где на островах еще сохранились подземные города, где правят немногие уцелевшие маги, а обитают фанатики вроде твоего Олорина, винащие во всем не себя, а Столикого. Так легко отыскать виноватого! Так легко позабыть о прошлом!

– Не легко, – глухо выдавила моя дракона. Я опустил голову:

– Да... Не легко.

Урса шагнула вперед:

– Аша, маленькая... Если б ты отправилась с этим безумцем за горы, тебя заковали бы в цепи и бросили в подземелье, потому что для них – нет разницы, совершила ли ты подвиг, либо преступление. Для них куда важнее, что ты вылупилась в семье черных драконов.

– Но я же белая... – всхлипнула девочка.

– Нет, это чешуя у тебя белая, – негромко произнес знакомый сухой голос из-за спины. – А кровь, все равно, черная. Так тебе объяснят, прежде чем захлопнуть решетку.

Я оглянулся. Столикий сидел на камне, сложив ладони на коленях, ветер развеивал его седые космы. Урса попятилась, близнецы поспешно юркнули под меня.

– Твой отец не хочет, чтобы вы знали правду до конца, но я – хочу, – сурово сказал маг. – Неведение очень редко бывает благом.

Он обратил ко мне взор:

– Расскажи своим детям историю черных драконов. Это приказ.

Аша в страхе обернулась, из-под лап выглянули перепуганные близняшки. Я скрипнул зубами:

– Если такова твоя воля, Повелитель, – ответил глухо. – Что ж, малыши... Рано или поздно вы бы все равно узнали.

Я закрыл глаза.

– Мы не совсем живые существа, – выдавил через силу. – Когда-то, в седой древности, мы были простыми драконами, но с тех пор все изменилось. Маги охотились на нас столь успешно, что полностью истребили.

– Как?! – синхронно воскликнули оба брата, Аша только моргнула. Я с горечью кивнул.

– Безжалостно. Но вскоре драконы им потребовались вновь, а нас уже не было. Тогда, неизвестный, но бесконечно могущественный маг, возродил наш род, снабдив полумеханическими телами.

Я со стальным звоном постучал себя когтем по груди.

– Мы любим, размножаемся, дышим и чувствуем, как живые драконы. В нас течет кровь, наши дети вылупляются из яиц, растут и взрослеют. Но, в то же время, мы

не устаем, не стареем, не болеем. Нашу чешую не пробить...

– Идеальная боевая машина, – сухо произнес Столикий, усмехаясь краями губ.

– Вековая мечта генералов. Размножающиеся, неуязвимые, самостоятельные танки.

Я с горечью опустил глаза к близняшкам.

– Это мы довели планету до такого состояния, – произнес тихо. – Армии, бесчисленные армады черных драконов. Каждый маг разводил нас тысячами и насылал на соседей, пока в итоге, мы не перебили друг друга начисто – уничтожив, заодно, и весь мир.

– А потом прилетел я, – маг скрестил на груди руки. – Отыскал пару не сильно пострадавших танков, починил, и решил, что они красивые.

Он встал, высокий, статный, властный. Впервые за весь разговор обратил глаза на эльфа.

– Можешь возвращаться к своим, – жестко произнес Столикий. – Я успешно провел эксперимент. Ты много месяцев жил в семье ненавистных черных драконов, наблюдал, как они любят, общаются, играют. Теперь ты знаешь – они столь же живые, как и любой другой обитатель этого израненного мира, и стальная чешуя их меняет не более, чем рыцарский доспех – человека.

Маг бросил короткий взгляд на Ашу.

– Конечно, было бы эффективнее снабдить тебя образцом... – он покачал головой. – Но первый в истории черный дракон, владеющий магией, слишком для этого ценен.

Столикий подошел к оцепеневшей драконочке, склонился и почесал ее за рогом.

– Ты станешь моей ученицей, – произнес он негромко. – Я устал от однообразия вашей планеты, скоро я продолжу свой путь. До сих пор, меня сдерживало лишь отсутствие преемника.

– А... А... А как же Олорин? – слабо выдохнула девочка. – Связь душ...

Колдун пожал плечами.

– На черных драконов магия не действует. Ваша связь односторонняя. Погибнет ли он, останется ли жив – твое здоровье это никак не затронет.

У меня подкосились лапы и я сел на снег, чуть не придавив драконят. Те в последний миг успели с визгом отпрыгнуть.

– Так значит я... Мне... Все эти месяцы...

Столикий слабо усмехнулся.

– Для меня жизнь дракона – не грязь под ногами, а достаточно ценный ресурс.

Рисковать им ради незначительного эксперимента? Расточительство.

Он вновь обратил холодные сизые глаза на Ашу:

– Попрощайся с родителями.

Урса встрепенулась, выбежала вперед:

– Я не позволю!

– Я никогда и ни у кого не спрашиваю позволений, – сухо ответил маг. Мне пришлось схватить подругу за плечи и насильно усадить.

– Так будет лучше для всех, и для малышки тоже, – шепнул поспешно. – После истории с эльфом она бы все равно не вернулась в логово.

Урса страшным усилием воли проглотила рычание.

– Аша сможет нас навещать? – выдавила глухо.

Столикий усмехнулся.

– Когда захочет. Ну? – он обернулся к перепуганной девочке. – Время идет, дракон.

Аша сглотнула, бросила на Олорина отчаянный взгляд, но было заметно, что ему она уже не верит. Оглянувшись на Столикого, драконочка робко шагнула в нашу сторону.

– Со мной все будет хорошо... Наверно... – прошептала с натугой. – Мама, папа... Простите за все...

Я заставил себя улыбнуться:

– Не бойся, малышка. Там тебя обучат летать...

Столикий взмахнул рукой, его подхватил снежный вихрь и умчал в высоту вместе с белой драконочкой. Урса издала тоскливый вопль:

– Аша– а– а!..

Я крепче обнял подругу.

– С ней все будет хорошо, – сказал твердо. – Не бойся.

Дракона судорожно дышала, ее бока вздымались, гребень шипов стоял дыбом. Растерянные близнецы сидели на снегу.

– Как ты ему позволил... – выдавила, наконец, Урса дрожащим голосом. – Как...
 – Это самое лучшее, что могло случиться с нашей девочкой, – отозвался я тихо.
 – Родная... Аша заслуживает большего, чем могли бы дать мы. Теперь ее талант не сгинет, она будет счастлива...

Я решительно встряхнул поникшую дракону за плечи:

– Вспомни, мы живем у подножья Тирит Истар! Да малышка нас каждый день навещать станет!

Урса всхлипнула, но я ощутил, как ее стальные мышцы слегка расслабились.
 Перевел взгляд на детей:

– Возвращайтесь в логово. Мы следом.

Испуганные и подавленные, драконята неохотно умчались вниз по склону. Я еще долго смотрел им вслед, продолжая судорожно обнимать подругу.

– Урса, тебе пора домой, – сказал, наконец, ласково. – Вот увидишь, в самые ближайшие дни в логово примчится Аша, захлебываясь от желания поведать о первых уроках Столикого. Жизнь вернется в нормальное русло.

Она подняла заплаканные глаза:

– А ты?

– Я доставлю эльфа на перевал, – отозвался я мрачно.

Драконесса только сейчас вспомнила о пленнике и в бешенстве, выпустив когти, рывком обернулась:

– ТЫ! – она приоткрыла пасть, готовясь дохнуть огнем, но я быстро заслонил эльфа собой. Урса сглотнула:

– Отойди! Растерзаю гада!

– Нет, – ответил я жестко.

Мы встретились глазами с подругой. Я покачал головой:

– Не надо. Пусть вернется к своим и поведает о нашей семье. Пусть помнит, как бездушные драконы о нем заботились и спасли.

– Это из-за него Аша... – драконица захлебнулась.

– Да, – согласился я. – Из-за него Аша станет могущественной колдуньей и проживет счастливую, яркую жизнь. Куда более яркую, чем мы.

Урса до крови стиснула зубы и опустила голову. Холодный ветер гнал поземку,

тучи клубились в высоте. Величественные, грандиозные горы окружали нас со всех сторон – крохотные точки на снегу, пара черных драконов, умевших любить, мечтать и страдать.

И я впервые в жизни чувствовал, как ветер наполняет мне крылья.